

Жусубалиева М.Т., Бусурманкул кызы М., ОшГУ

СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКА И СТИЛЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. В. ГОГОЛЯ

Автор дает обзор языковым особенностям, выявленным в текстах произведений великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. Своеобразие его языка и стиля состоит в употреблении выразительных слов и оригинальном построении речи.

Ключевые слова: выразительность, лексика, мастерство, специфика, уникальность.

Zhusubalieva M.T., Busurmankul kyzy M., Osh State University

THE ORIGINALITY OF THE LANGUAGE AND STYLE OF THE WORKS OF N. V. GOGOL

The author provides an overview of the linguistic features identified in the texts of the works of the great Russian writer Nikolai Vasilyevich Gogol. The originality of his language and style consists in the use of expressive words and the original structure of speech.

Key words: expressiveness, vocabulary, skill, specificity, uniqueness.

Николай Васильевич Гоголь - мастер русского слова. С первых своих произведений не только их содержанием, особенностями повествовательной манеры, но и свежестью слова, он потряс многих современников. Видный ученый А. В. Чичерин считал, что автор повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831-32) «к русскому ржаному хлебу подмешивал украинской соли и даже перцу» [1]. У Н. В. Гоголя был великий предшественник – его духовный наставник Пушкин. Верно замечено, что перед автором «Повестей Белкина» и «Евгения Онегина» стояла трудная задача освоения огромного массива *просторечий и народных говоров*. Без решения этой задачи невозможно было создание единого национального литературного языка. Пушкин и Гоголь проделали титаническую работу по его формированию. В их творениях очень важны *просторечия*, то есть элементы разговорной речи городского населения, части дворянства, мелкого и среднего чиновничества, разночинной интеллигенции, мещанства. В повестях Пушкина и Гоголя значимую роль играют рассказчики. Например, у Пушкина это обедневший дворянин Иван Петрович Белкин, у Гоголя пасечник Рудый Панько. Этот прием двум мастерам слова давал возможность со всей силой передать особенности речи, говора демократической России. Академик В. В. Виноградов отмечал, что «с конца 20-х годов все свободнее открывается доступ к «грубым» простонародным выражениям» [2]. На самом деле, многие читатели книг Пушкина и позже

Гоголя недоумевали по поводу включения таких слов как *детина*, *девка*, *дивчина*, *враки* и т.п. Не все приняли гоголевскую манеру изображения жизни через показ походов хитрого козака, умудрившегося самих чертей обыграть в карты («Пропавшая грамота»). Надо однако подчеркнуть, что между книгами Пушкина и Гоголя, а так же и между их «рассказчиками» есть существенная разница. Пушкин свои повести приписал недалекому провинциальному помещику, а Гоголь пошел дальше по пути демократизации образа рассказчика.

В «Вечерах» и сам рассказчик и их действующие лица – это украинские казаки и крестьяне. В предисловии гоголевский «пасичник» особо подчеркивает это отличие его «мужицких» рассказов от повествований «господской», салонной литературы, от хитросплетений «горохового панича». Роль Рудого Панька никак не исчерпывается значением псевдонима. Гоголь создает полнокровный, реалистический образ старика-рассказчика, который определяет не только самый характер повествования, но и подчеркивает народность «Вечеров». Гоголевская манера повествования основана не на формах книжного стиля, а на устном «сказе», на живой разговорной речи. Вот почему его рассказчик, наряду с небылицами, приводит много бытовых и комических подробностей, самые фантастические приключения передает необычайно конкретно, подчеркивая жизненные детали и комические штрихи.

Вот Пасичник рассказывает о своих именинах, перечисляет гостей, приехавших к нему: Захар Кириллович Чухопупенко, Степан Иванович Курочка, Тарас Иванович Смачненький, заседатель Харлампий Кириллович Хлоста; не правда ли у гостей колоритные, «говорящие» имена и фамилии. И вообще, Гоголь – мастер «говорящих» имен. Эта характерная деталь его творений. Вспомним их – Голопупенко, Солопия Черевика, Басаврюка, Полтора Кожуха, парубка Кизяколупенко, поручика Деркач-Драшпановского, Хавронью Никифоровну (Хиврю), козака Чуба, кузнеца Вакулу, Ивана Шпоньку.

Н. В. Гоголь - мастер комических ситуаций. Вот мать кузнеца Вакулы Солоха, «имела отроду не больше сорока лет». В Диканьке поговаривали, что она ведьма. Хотя она была «ни хороша, ни дурна собою», но к ней кто только

ни хаживал. И сам голова, и дьяк Осип Никифорович (конечно, если дьячихи не было дома), и козак Корний Чуб, и козак Касьян Свербыгуз («она умела искусно обходиться с ними»). И в ночь под рождество Солоха устроила им должный прием – всех попрятала в мешки из под угля. Вакула же выкинул их на улицу, оставив себе небольшой мешок (в нем, как оказалось, сидел черт). Он то и обещает помочь Вакуле завоевать сердце непокорной Оксаны. С помощью черта Вакула оказывается в Петербурге и, считай, с ног царицы доставляет капризной Оксане черевички. Здесь лирическое и этнографическое слились воедино. Народность украинских повестей Гоголя была очевидной. Книга, со страниц которой во всю ширь вставал мир украинской народной жизни, с ее героическими преданиями и современными заботами, хитроумными проделками парубков и дивчин, кознями нечистой силы, - эта книга блистала яркими свежими красками, поражала оригинальностью, выразительностью языка. Украинизмы – одна из высокохудожественных подробностей повестей.

Примечательно, что благодаря Гоголю в кладовые русского языка вошли полноправно многие украинизмы из рассказов Рудого Панька (бандура, буряк, гопак, дивчина, дуля, жупан, люлька, молодица, Пасичник, рушник, свитка, сопилка, цибуля, чуприна). Украинизмы в тексте Гоголя выполняют стратегические художественные функции. Они повышают поэтичность любовных объяснений, комичность малороссийского быта, многих житейских ситуаций, усиливают бытовую характерность жанровых сцен, обостряют сатирические описания. Любопытную мысль высказывает писатель Я. Хелемский: а что если попробовать перевести повести «Вечеров» на украинский язык. «Боже мой, какое разочарование постигнет нас, когда разрушится колдовской сплав двух языковых стихий, который вот уже полтора века пленяет читателей Гоголя». На самом деле, как звенит и переливается у него русское слово, обогащенное украинской мелодикой, сколько доброго лукавства в этом сочетании, как восхитительно врывается в живописную авторскую речь сорочинская прибаутка, как ярко вспыхивают в этом двуединстве блески ярмарочного озорства и семинаристской велеречивости,

как выигрывает петербургская гипербола от соседства с хуторской усмешкой! В последующих произведениях Н. В. Гоголя - в повестях «Миргород», «Петербургских повестях» - роль «обыкновенного наречия» возросла еще больше. Их автор в своем творческом развитии рос не по дням, а по часам. И это заметили многие его товарищи и недруги по литературе. От «живого описания племени поющего и пляшущего» (А. Пушкин) в «Вечерах» Гоголь обратился к повседневному и неприглядному существованию пошлых «небокоптителей». Уже в некоторых историях Пасичника Рудого Панько встречались комические детали, перерастающие в сатиру. И вот в сборниках «Миргород», «Арабески» читатели нашли повести, в которых неприглядность жизни персонажей видна из-за ничемных обид и смертельных ссор, почитания денег и чинов, зависти и каверзничества, пустого времяпрепровождения. Н. В. Гоголь начал тему страшной «тины мелочей», «опутавших нашу жизнь». Вот почему «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Старосветские помещики», «Тарас Бульба» показывали рост живописной изобразительности гоголевского стиля.

Кыргызские писатели и переводчики У. Абдукаимов (в 1937 году перевел комедию «Ревизор»), М. Элебаев («Шинель» - 1938 г., «Мертвые души» - 1940г.), О. Орозбаев («Шинель» - 1952г., «Тарас Бульба» - 1983г.) признавали трудности, испытанные ими при передаче гоголевского стиля, языка. О сложностях при переводе «Мертвых душ» Гоголя, имевших место у опытных переводчиков С. Бектурсунова, К. Эшмамбетова, писал Б. Сагымбеков. Но при всем при этом работа над гоголевскими текстами сыграла в судьбе ряда кыргызских литераторов огромную роль. Переводчик «Ревизора» У. Абдукаимов отмечал, что через творения Гоголя в литературу пришли канцеляризм, элементы разных жаргонов (военного, чиновничьего и др.), разговорно-бытового языка. Если в «Вечерах» вереница рассказчиков в лице дьяка Фомы, «горохового панича», Степана Курочки мотивировали содержание и речевой стиль каждой повести, то в новых вещах повествовательная модель Гоголя существенно меняется. В повествовательной манере его рассказчика

наблюдается множество переходов от одного стиля к другому. Соответственно меняется и конструкция детализировки.

Возьмем «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Рассказывает ее один человек. Но какие в его облике разные, порой противоположные грани! То это человек того же круга, что и остальные миргородцы, такой же недалекий и невежественный, падкий на сплетни, близко к сердцу принимающий заботы своих приятелей – обоих Иванов, То это человек себе на уме, с лукавинкой, который то ли насмешливо, то ли простодушно-серьезно выбалтывает домашние тайны миргородской жизни. То это некое нейтральное лицо, спокойно и безучастно регистрирующее все происходящее. То, наконец, это человек, по своему душевному складу близкий к самому Гоголю, и поэтому он взирает на пустую ссору, на мелочные дразги героев с глубокой печалью, «сквозь видимый миру смех и незримые, неведомые ему слезы». Именно этим человеком произнесена заключительная фраза повести: «Скучно на этом свете, господа!» Вместе с изменением облика рассказчика происходит движение от одного стиля (более низкого) к другому (более высокому). Этот процесс, в свою очередь, соответствует нашему читательскому восприятию повести: оно тоже меняется, становясь серьезнее, глубже, печальнее. Меняется также и характер используемых подробностей, но и в повести об Иване Шпоньке, и в повести о двух Иванах сохраняется поэтика контраста (естественного/противоестественного, прекрасного/безобразного).

Верно замечено, что движению художественной мысли во многих произведениях Гоголя способствуют семантические сдвиги ключевого слова. Вспомним повести «Нос», комедию «Ревизор» и др., в которых ключевые детали даже вынесены в заглавия. Что означает ключевая деталь (слово) в повести «Нос»? Это часть лица – злополучная часть лица майора Ковалева, исчезнувшая со своего места неведомо каким образом. Но это и самостоятельное существо, человек, да еще в «мундире», обладатель высокого чина статского советника. В этом случае часть становится больше целого, присваивая себе права последнего. Характерна игра слов, выражающая полное

извращение реального положения вещей: «Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник...». Далее это некое таинственное, промежуточное существо, не часть лица и не человек, но одновременно и то и другое, способное в одно мгновение изменять свой статус («...я сам принял его сначала за господина. Но к счастью, были со мной очки, и я тот же час увидел, что это был нос...»). Нос выступает также как символ какого-либо явления или психологического состояния: то это довольно прозрачный намек на дурную болезнь («Мне ходить без носа, согласитесь, неприлично...»), то знак того, что тебя одурачили, обманули, дали тебе отставку («Если вы разумеете под сим, что будто бы я хотела оставить вас с носом, то есть дать формальный отказ...»); то это выражение общественного преуспеяния, благополучия, самодовольства (развитие мотива «задирать нос»). И все эти значения, все эти разнообразные грани одного слова, одного понятия взаимодействуют друг с другом, переливаются одно в другое, создавая пестрый и таинственный образ мира, в котором «чепуха совершенная делается» и «все происходит наоборот».

Ю. Н. Тынянов отмечал, что Гоголь необычайно видел вещи [3]. Это верное замечание. Вспомним детальное описание Миргорода с его обывателями, поющих дверей в «Старосветских помещиках», жилья Плюшкина, шарманки Ноздрева, дома Собакевича в «Мертвых душах». Писатель удивительно улавливает комизм вещи, убранства. «Старосветские помещики» начинаются с параллели: ветхие домики – ветхие обитатели. Гоголевские персонажи – люди, лишённые духовности. Они ограничены и примитивны в своих стремлениях. Их интересы редко когда выходят за пределы пошлой материальности. Вот почему вещи, мебель, предметы домашнего обихода играют в языке Гоголя особую роль, помогая отчетливее выявить те или иные черты характера персонажа. Вещи становятся как бы двойниками своих хозяев, орудием их сатирического обличения. Например, в доме Собакевича все напоминает его самого: и стоящее в углу гостиной пузатое ореховое бюро на нелепых четырех ногах, и необыкновенно тяжелые стол, кресла, стулья. Каждая из вещей словно говорила: «и я тоже Собакевич!», «я

тоже очень похожа на Собакевича». Вещи в доме кулака Собакевича обнаруживают «какое-то странное сходство с самим хозяином». А хозяин напоминал «средней величины медведя». И смотрел он как-то искоса, по-медвежьи. И фрак на нем был медвежьего цвета, и по медвежьи он ступал по комнатам, непременно отдавливая чьи-нибудь ноги. Мертвая медвежья ухватка детально показана в сцене торга Собакевича и Чичикова о мертвых душах. Чичиков немало помаялся, прежде чем они сошлись в цене. Одно слово Собакевич – кулак, медведь, зверь посильнее дельца Павла Ивановича.

В «Мертвых душах» Гоголь достиг невиданного мастерства в мастерстве языка. В петербургских повестях сочного комизма автор добивался за счет названия вещей и персонажей. «Один показывает щегольский сюртук с лучшим бобром, другой – греческий прекрасный нос, четвертая – пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку» («Не всякий проспект»). Мастерски дано сравнение шинели «с приятной подругой жизни»: «и подруга эта была не кто другая, как та же шинель, на толстой вате, на крепкой подкладке, без износу». Замечательный комический прием, созданный на неувязке двух образов, живого и вещного. Н. В. Гоголь сумел гениально мертвую природу возвести в своеобразный принцип литературной теории («У кого есть способность передать живописно свою квартиру, то может быть и весьма замечательным автором»). Неспроста критик Ап. Григорьев назвал Гоголя «беспощадным анатомиком». Автор «Мертвых душ» до высот совершенства возвел все те художественные поиски, которые нашли отражение в творчестве его предшественников. Однако В. Хализев прав: своего рода максимума детализация изображаемого достигнет новых высот во второй половине 19 века. Этих вершин классика вряд ли бы достигла, не будь художественных достижений Карамзина, Крылова, Пушкина, Гоголя. Они поняли роль и значение «красноречия подробностей языка» (Б. Пастернак). В. В. Стасов отмечал: «С Гоголя водворился на России совершенно новый язык».

Таким образом, изучение языка и стиля произведений Н. В. Гоголя открывает большие возможности в обогащении словарного запаса студентов и

учащихся. Чтение и пересказ отрывков из текстов, ответы на вопросы, диктанты, сочинения, помогают расширению лексического багажа студентов.

Литература

1. Чичерин А.В. Идеи и стиль. – М., 1968. - См.: Литература как искусство слова. – М., 1997.
2. Виноградов В.В. Язык Пушкина. - М., 1985.- См. также его: Язык Гоголя – М., 1986.
3. Тынянов Ю.Н. Гоголь и Достоевский. В кн.: Поэтика. История литературы. – М., 1977.